
Я помню Сиблаг на второй Каменушке
Сидели здесь зеки со всей страны.
Тут были воры, бандеровцы, ссыльные -
Узники пятьдесят восьмой статьи.

Мимо нашего дома шла дорога,
По которой возили зекам хлеб.
Верхом на конях ехал возчик
А рядом охранник с ружьем.

Занимались они заготовкой леса,
На лошадях вывозили его.
Труд этот был ужасно тяжелый,
Ведь техники не было тогда никакой.

Пацанами туда мы ходили,
Около лагеря собирали колбу.
Охрана нас иногда прогоняла,
Чтобы близко не подходили к посту.

Умер «отец» всех народов
И лагерь закрыли тогда.
Воров, уркаганов пустили на волю,
Политических реабилитировала Москва.

На зоне остались бараки,
Где раньше жили зека.
Все стены, коридоры в казармах
Были красиво расписаны до потолка.

Около зоны, на пригорке
Много стояло деревянных крестов.
Видно здесь хоронили умерших,
Не вынесших тяжких трудов.

Прошло уже больше полвека,
Недавно я посетил те места.
Там все заросло кустарником, лесом
Ничто не напомнит, что здесь были лагеря.

Мы должны сохранить память о людях,
Погибших здесь в лагерях.
Это был геноцид против народа,
Вся страна в Гулаге жила.

Сейчас у нас другое время.
По новым законам живет страна.
Мы не должны допустить все вместе,
Чтобы снова нависла гроза.

Гриневальд Д.Д.

Я помню Сиблаг – вторую Каменушку,
Сидели там зеки со всей страны.
«Мотали срок на всю катушку»
Узники пятьдесят восьмой статьи.

Там были бандеровцы, ссыльные, воры.
Изломана и исковеркана у каждого судьба.
Стонали от горя таежные горы:
Какая участь тех людей потом ждала?

Зеки заготовкой леса занимались,
Это был тяжелый труд.
Все вручную. Надрывались.
Говорили: «Там, как мухи, мрут».

Мы в то время пацанами были.
Возле лагеря бегали, рвали колбу.
Охранники нас прогоняли,
Не позволяли близко подходить к посту.

Умер «отец» всех народов
И лагерь закрыли тогда.
Воров, уркаганов пустили на волю,
Политических реабилитировала Москва.

На зоне остались бараки,
Где раньше жили зека.
Все стены, коридоры в казармах
Были красиво расписаны до потолка.

А возле зоны, на пригорке
Много стояло деревянных крестов.
Видно здесь хоронили умерших,
Не вынесших тяжких трудов.

Прошло уже больше полвека,
Недавно я вновь посетил те места.
Там давно не ступала нога человека,
Ничто не напомнит, что были лагерь.

Может хорошо, что все забылось
Кустарниками, лесом заросло.
Но ... сколько судеб, в той тайге разбилось,
И сколько жизней унесло!

Это страшное слово «Гулаг»:
Зубы стиснуты, нервы в кулак.
По небритой щеке, слеза
Жизни черная полоса.

Сейчас мы живем в другое время,
Но память наша – тяжелое бремя.
Больше такого нельзя допустить,
Нужно людьми и страной дорожить.
